

Д. Б. Шелов, Ф. В. Шелов-Коведяев

СОСУД ЖРЕЦА ФАНА С НАДПИСЬЮ

ОСЕНЬЮ 1968 г. при земляных работах в окрестностях Недвиговского городища бульдозером были сняты несколько курганных насыпей, принадлежащих курганному некрополю Танаиса. Прибывшие вскоре директор археологического заповедника «Танаис» Л. М. Казакова и И. С. Каменецкий из Москвы произвели фиксацию и исследование обнаружившихся подкурганных могильных ям¹. В одном из раскопанных погребений среди могильного инвентаря оказался сосудик, заслуживающий специального рассмотрения.

Речь идет о небольшом краснолаковом кувшинчике из погребения № 2 кургана 9². Кувшинчик сформован из плотной мелкозернистой глины красно-желтого цвета с мелкими блестками. Он имеет приземистое тулово, округло сужающееся книзу и имеющее довольно ярко выраженное ребро при переходе к плечикам, на высоте 6,5 см от дна. Дно окружено невысоким кольцевым поддоном диаметром 6,3 см, внутри поддона на доннышке хорошо видны концентрические круги. Прямое цилиндрическое горло кувшинчика высотой около 6 см завершается отогнутым наружу и вверх венчиком диаметром 7 см. Горло отделено от плечиков слабо выраженным валиком. Вертикальная ручка, профилированная бороздками с наружной стороны, прикреплена верхним концом к горлу ниже венчика, нижним концом — к плечуку сосуда. Общая высота кувшинчика — 16 см, наибольший диаметр тулова — 13,4 см. Поверхность сосуда покрыта очень плохим жидким розовато-желтым лаком, напоминающим скорее светлый ангоб. Поверхностный слой глины во многих местах отслоился вместе с лаковым покрытием. На плечике кувшина имеются две надписи, одна из которых процарапана острым инструментом, а другая нанесена кистью красной краской. Надписи интересны как своим содержанием, так и отразившимися в них языковыми процессами, что и оправдывает специальное рассмотрение этого памятника.

Кувшинчики подобной формы не представляют редкости в первые века н. э. Форма эта существовала еще в I в. до н. э., как показывает находка аналогичного кувшина с росписью в могиле № 8, самой ранней из могил Кыз-Аульского некрополя на Керченском полуострове³. Но более

¹ Л. М. Казакова, И. С. Каменецкий, Курганы Танаиса, КСИИ, 124, 1970, стр. 81 сл.

² И. С. Каменецкий, Охранные раскопки на могильниках Танаиса осенью 1968 года. Рукопись в Архиве ИА, Р-1, № 4057, л. 26-28, рис. 59.

³ В. Ф. Гайдукевич, Некрополи некоторых боспорских городов, МИА, 69, 1959, стр. 200, 208 сл., рис. 73.

точные аналогии танаисский кувшинчик находит в сосудах I—II вв. н. э., обнаруженных в разных могильниках Северного Причерноморья: в тиритакском склепе II 1934 г.⁴, в могилах 3 и 4 Новоотраденского некрополя⁵, в погребении 71 могильника Бельбек IV в Юго-Западном Крыму⁶. Более узкой датировке кувшинчики этого типа не поддаются, но условия находки нашего сосуда позволяют уточнить его датировку в

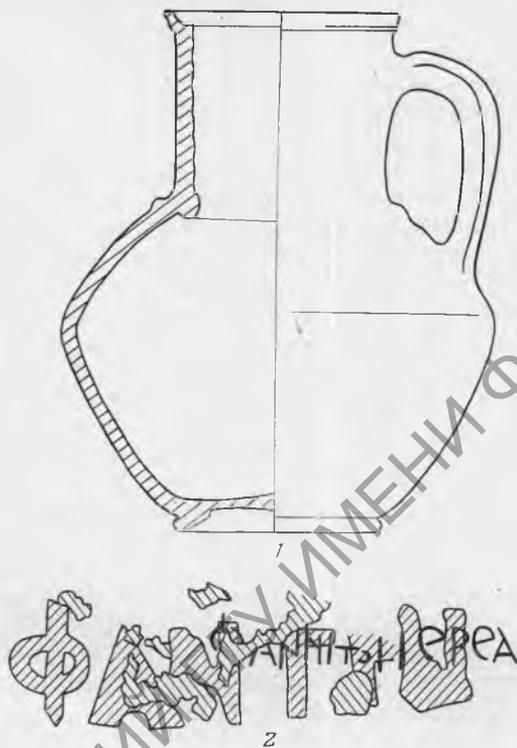

Рис. 1 — Кувшин с надписью; 2 — Прорисовка дининто и граффито

пределах II в. н. э. Дело в том, что в засыпи могильной ямы погребения 2 кургана 9 обнаружены фрагменты нескольких разбитых светлоглиняных узкогорлых амфор II в. н. э. Этой дате не противоречат и другие предметы, найденные в могиле: обломок стеклянного балызамария и краснолаковая полусферическая миска, в которой находился чистый белый кварцевый песок и около 20 альчииков — бараньих бабок, употреблявшихся для игры⁷.

Надписи, нанесенные на плечико кувшинчика, перекрывают друг друга. Первым было процарапано граффито, а уже потом была краской размашисто написана другая надпись. Это дининто плохо сохранилось, уверенно могут быть прочтены только первые три буквы — ΦΑΝ, за ни-

⁴ М. М. К о б ы л и н а, Раскопки некрополя Тиритаки в 1934 г., МИА, 4, 1941, стр. 78, рис. 113.

⁵ Т. М. А р с е н ь е в а, Могильник у дер. Ново-Отрадное, сб. «Поселения и могильники Керченского полуострова начала н. э.», М., 1970, стр. 87, табл. 18, 3.4.

⁶ И. И. Г у щ и н а, Население сарматского времени в долине реки Бельбек в Крыму (По материалам могильников), сб. «Археологические исследования на юге Восточной Европы», М., 1974, стр. 35, 143, табл. XVII, 14.

⁷ К а м е н е ц к и й, Охранные раскопки..., л. 26—27.

ми следовали еще по крайней мере три буквы, остатки которых, однако, не дают возможности их прочесть. Граффито сохранилось полностью и читается достаточно ясно, несмотря на то, что первые три буквы его несколько повреждены вследствие отслаивания поверхности сосуда: ΦΑΝΗΤΟΠΕΡΕΑ. Граффито может быть прочитано так:

Φάνη: τῶι ἱερέα — жрецу Фану.

Правда, рассматриваемую надпись можно было бы разбить на слова и иначе: Φάνη<ι>τ<ο>ι ἱερέα, принимая, таким образом, в имени Фана зубную основу (Φάνης, Φάνητος и т. д.). Однако такое чтение кажется недостаточно убедительным, так как, принимая его, надо было бы либо предположить небрежность резчика, допустившего в одном слове две грубые ошибки, что очень маловероятно, либо сделать заключение о далеко зашедшем процессе итализации, в результате которого в слове Φάνη<ι>τοῖ появился дифтонг *οι* вместо конечной *йоты*. Для греческого языка того времени, к которому относится, как мы считаем, надпись, это явление еще совершенно не характерно. Кроме того, и в этом случае пришлось бы предположить ошибку резчика, написавшего лишнюю *йоту* в середине слова. Столь же маловероятным кажется и другое возможное предположение о том, что здесь в форме *dat. sing.* Φάνη<ι>τοῖ стоит женское имя Φάνητῶ. Во-первых, имя это пока нигде не было зарегистрировано, во-вторых, нам ничего не известно о существовании в Танаисе жриц, тогда как жрец Фанн известен по лапидарным танаисским надписям II в. н. э., в-третьих, наконец, при таком толковании все равно пришлось бы допустить ошибку резчика. Поэтому нам представляется единственно возможным предложенный нами вариант чтения.

Обратимся прежде всего к датировке нашей надписи. Наиболее надежные датировочные критерии дают палеографические и грамматические особенности исследуемого граффито, ясно отражающие специфику боспорского алфавита и ионийского диалекта во II в. н. э.⁸ Наиболее характерны формы лунарного *эpsilon*, *альфы* с наклонными под одинаковым углом гастами, правая из которых выступает вверху, и с прямой горизонталью, *фи* в виде правильного круга, пересеченного посередине вертикалью, сильно выступающей за его пределы. Формы *ро* с правильным полукружием, *йоты*, *омикрона* в виде маленького кружка — типичны для лапидного письма Боспора на протяжении всей его истории. Написание *эты* со слегка наклонной горизонталью в целом не противоречит отнесению надписи ко II в. н. э. Несколько неожиданна архаическая форма *ню* с укороченной горизонтальной гастой и короткой правой вертикалью и соответственно укороченная вертикаль у *тау*. Необычное написание этих двух букв может быть объяснено либо неудачным исполнением привычной формы, либо, скорее, сознательной архаизацией шрифта резчиком надписи. Так как при определении даты надписей, содержащих буквы разновременных форм, следует опираться на доминанту синхронных палеографических признаков⁹, а в танаисском граффито явно преобладают написания, характерные для второй половины II в. н. э. (*альфа*, *эpsilon*, *ро*, *фи*)¹⁰, то его можно датировать именно этим временем.

Даже при беглом ознакомлении с танаисской надписью бросаются

⁸ А. И. Болтунова, Т. Н. Книпович, Очерк истории лапидного письма на Боспоре, НЭ, III, 1962; А. И. Доватур, Краткий очерк грамматики боспорских надписей, КБН, стр. 797—832.

⁹ См. Ю. Г. Виноградов, Прохус Минииды из Пантикапея, ВДИ, 1974, № 4, стр. 58. Пользуемся случаем выразить благодарность Ю. Г. Виноградову за помощь в изучении танаисской надписи.

¹⁰ Болтунова, Книпович, ук. соч., стр. 10—11.

в глаза своеобразные языковые явления, характерные для всего позднего греческого языка и для языка боспорских греков в частности, существенно отразившиеся в облике каждого из трех слов надписи.

Начнем с самого имени жреца Фана. Имя $\Phi\acute{\alpha}\nu\eta\varsigma$ образовано от корня $\phi\acute{\alpha}\nu\text{-}$ (ср. $\phi\acute{\alpha}\nu\acute{o}\varsigma$, $\phi\acute{\alpha}\sigma\iota\nu\acute{o}\varsigma$, $\phi\acute{\alpha}\nu\omicron\mu\alpha\iota$, $\phi\acute{\alpha}\nu\omicron\mu\epsilon\nu\omicron\nu$), может иметь значение «явленный», «сущий», «светлый» и носит явно культовый, сакральный характер. В древности оно имело две различные парадигмы: 1) ном. $\Phi\acute{\alpha}\nu\eta\varsigma$, gen. $\Phi\acute{\alpha}\nu\eta\tau\omicron\varsigma$, dat. $\Phi\acute{\alpha}\nu\eta\tau\iota$ и т. д.; 2) ном. $\Phi\acute{\alpha}\nu\eta\varsigma$, gen. $\Phi\acute{\alpha}\nu\epsilon\omicron\varsigma$ ($\Phi\acute{\alpha}\nu\omicron\upsilon\varsigma$), dat. $\Phi\acute{\alpha}\nu\epsilon\iota$ и т. д. В первой форме имя Фан выступает как обозначение ¹¹ орфического божества, предводителя кентавров ¹², брата мифической Алфеи ¹³. Как имя оно было распространено в Галикарнасе ¹⁴, Фивах ¹⁵, встречено на о-ве Эгине, на монетах Клазомен и Смирны ¹⁶. Во второй форме это имя встретились четыре раза в Магнезии на Меандре ¹⁷, один раз в Дельфах ¹⁸ и один — на о-ве Мелос ¹⁹. Близость этого имени сакральной сфере подтверждается тем, что оно употребляется почти исключительно в жреческой среде ²⁰. Вторая форма этого слова дала значительное количество производных имен во всем греческом мире: известно около 80 таких сложных составных имен, первая часть которых может быть образована от разных корней, а вторая содержит компонент $\text{-}\phi\acute{\alpha}\nu\eta\varsigma$. Они встречены в многих центрах, причем распространены в основном в ионийских городах ²¹. Интересно, что производные имена полностью сохраняют все особенности склонения простого имени. Первая форма имени Фан с зубной основой не была такой популярной и не дала производных имен.

В Северном Причерноморье имя Фан существовало на территории Боспорского царства в двух модификациях — $\Phi\acute{\alpha}\nu\eta\eta\varsigma$ и $\Phi\acute{\alpha}\nu\eta\alpha\varsigma$. Первая форма встречена в Пантикапее 8 раз, в Нимфее — 1, в Танаисе — 8; вторая: в Пантикапее — 8, в Горгишии — 1, в Танаисе — 1, в надписи, найденной на территории Ростова-на-Дону, — 1 раз ²². Происхождение этих форм не совсем ясно. Наиболее вероятно предположение, что они являются более экспрессивными формами имени $\Phi\acute{\alpha}\nu\eta\varsigma$ с геминацией согласного. Гораздо менее убедительной кажется другая гипотеза, по которой имя $\Phi\acute{\alpha}\nu\eta\eta\varsigma$ — сокращение имени $\Phi\acute{\alpha}\nu\delta\eta\mu\omicron\varsigma$ ²³.

Боспорские и, шире, ионийские связи ²⁴, а также сакральный харак-

¹¹ W. P a r e, E. V e n s e l e r, Wörterbuch der griechischen Eigennamen, Braunschweig ³, 1884, стр. 1598 сл.

¹² N o n n., 14, 192.

¹³ S c h o l., II, IX, 567.

¹⁴ H e r o d., III, 4, 5.

¹⁵ P a u s., II, 7, 6.

¹⁶ F. B e c h t e l, A. F i c k, Die griechischen Personennamen, Göttingen, 1894, стр. 273.

¹⁷ O. K e r n, Die Inschriften von Magnesia am Meander, B., 1900, № 209¹, 210¹, 211¹, 339¹.

¹⁸ B e c h t e l, F i c k, ук. соч., стр. 274.

¹⁹ F. B e c h t e l, Die historischen Personennamen des Griechischen bis zur Kaiserzeit, Halle, 1917, стр. 440.

²⁰ K e r n, ук. соч.

²¹ B e c h t e l, ук. соч., стр. 440 сл.; B e c h t e l, F i c k, ук. соч., стр. 273 сл. K e r n, ук. соч.; M. F r ä n k e l, Inschriften von Pergamon, B., 1890, Indices; F. H i l l e r v o n G a e r t r i n g e n, Inschriften von Priene, B., 1906, Indices.

²² КВН, 36, 262, 320, 405, 419, 523—525, 639, 682, 770, 788, 812, 935, 1182, 1245, 1246, 1248, 1260, 1263, 1278, 1280, 1285, 1287, 1316.

²³ L. Z g u s t a, Die Personennamen griechischer Städte der nördlichen Schwarzmeerküste, Praha, 1955, 1164.

²⁴ Другие имена, образованные от этого корня ($\Phi\acute{\alpha}\nu\acute{o}\varsigma$, $\Phi\acute{\alpha}\nu\acute{o}\iota\varsigma$, $\Phi\acute{\alpha}\nu\iota\omega\nu$, $\Phi\acute{\alpha}\nu\alpha\iota\omicron\varsigma$ и др.), также распространены главным образом в ионийских центрах, см. P a r e, V e n s e l e r, ук. соч., стр. 1599; B e c h t e l, F i c k, ук. соч., стр. 273; B e c h t e l, ук. соч., стр. 438, 440.

тер имени Фан делают его появление в Танаисе в качестве имени жреца вполне закономерным. Что касается формы $\Phi\acute{\alpha}\nu\eta\iota$ нашей надписи, а не $\Phi\acute{\alpha}\nu\eta\iota$, как можно было бы ожидать исходя из норм боспорской эпиграфики, то, по-видимому, здесь нашел отражение процесс упрощения слов с двойными согласными, особенно интенсивно протекавший на Боспоре во второй половине II в. н. э.²⁵ Если в лапидарных надписях, язык которых более консервативен, мы встречаем написание $\Phi\acute{\alpha}\nu\eta\varsigma$, отражающее традиционное произношение, то в надписи частного характера закономерно появление формы $\Phi\acute{\alpha}\nu\eta\varsigma$ как рефлекса более прогрессивного произношения.

Весьма своеобразна форма дательного падежа, в котором стоит рассматриваемое имя — $\Phi\acute{\alpha}\nu\eta\iota$, тогда как от $\Phi\acute{\alpha}\nu\eta\varsigma$ с сигматической основой можно было бы ожидать dat. sing. $\Phi\acute{\alpha}\nu\eta\iota$. Эту грамматическую особенность можно объяснить двояко: либо это явление исчезновения различия в долготе и краткости греческих гласных, в результате чего краткая гласная может появиться на месте долгой и наоборот²⁶, либо это смешение парадигм сигматических основ 3-го склонения и основ на -α мужского рода 1-го склонения. Трудно точно определить, какой из двух этих процессов отразился в публикуемой надписи, однако более вероятным представляется второе предположение. Во-первых, на Боспоре встречается и другая любопытная форма этого имени — асс $\Phi\acute{\alpha}\nu\eta\eta\nu$ ²⁷, которая никак не может быть объяснена из первого предположения. Во-вторых, смешение форм сигматического и мужского рода первого склонения ввиду сходства облика nom. sing. обеих основ известно в греческом языке уже начиная с VI в. до н. э.²⁸ Особенно это заметно в формах gen. sing. на -εω, -εω, -ο, -οω²⁹. Этот процесс очень хорошо прослеживается в ионийских надписях эпохи эллинизма³⁰. Для дательного падежа можно указать несколько примеров, представляющих по типу основы и форме склонения полную аналогию нашему имени: $\chi\epsilon\iota\rho\iota\kappa\rho\acute{\alpha}\tau\eta\iota$ (Милет)³¹, $\mu\acute{\alpha}\nu\eta\iota$ (Кизик)³², $\kappa\rho\acute{\alpha}\tau\eta$ и $\lambda\alpha\tau\omicron\lambda\lambda\omicron\phi\acute{\alpha}\nu\eta$ (оба — Аттика)³³. В императорскую эпоху, в период общей архаизации, вновь появляются старые формы gen. -εος (ους), dat. -εῖ, однако начиная со II в. н. э. опять отмечаются смешанные парадигмы³⁴. Из сказанного видно, во-первых, что форма $\Phi\acute{\alpha}\nu\eta\iota$ вполне закономерна и, во-вторых, что ее появление в нашей надписи нужно связывать с процессами, развивавшимися в греческом языке вообще и на Боспоре в частности во II в. н. э.

В форме артикля τῷ (вместо τῷ) мы сталкиваемся с уже отмеченным выше явлением сокращения долгих гласных в позднегреческом языке, результатом чего явилось смешение написаний долгих и кратких гласных³⁵. Относительно замены омеги омикром это хорошо прослежива-

²⁵ Доватур, ук. соч., стр. 810.

²⁶ Доватур, ук. соч., стр. 800.

²⁷ IOSPE, II, 441, 6; 448, 9 (Танаис, III в. н. э.).

²⁸ A. Thum b, A. Scherer, Handbuch der griechischen Dialekte, Heidelberg, II, 1959, стр. 269, § 312.

²⁹ Там же, стр. 274, сл., § 9а; F. Bechtel, Die griechischen Dialekte, III, В., 1924, стр. 92, § 39; стр. 97, § 44; стр. 140, § 126, 4; K. Meisterhans, Grammatik der attischen Inschriften, В., 1900, стр. 135, § 53 с.

³⁰ A. Rehm, Das Delphinion in Milet, В., 1914, № 61, 4; 124, 27; 150, 4—5, 8—9; Керн, ук. соч.; Fränkel, ук. соч.; Hiller von Gaertringen, ук. соч.; H. Collitz, F. Bechtel, Sammlung der griechischen Dialekt-Inschriften, III, 2, Göttingen, 1950.

³¹ Rehm, ук. соч., № 181, 3.

³² Syll.³, 4.

³³ CIA, II, 644, 6; add., 834, b; II, 54; Meisterhans, ук. соч., стр. 136, § 53 с.

³⁴ Meisterhans, ук. соч., стр. 135.

³⁵ Доватур, ук. соч., стр. 801 сл.

ется для II—III вв. н. э. на материале лапидарных боспорских надписей³⁶. Тем более естественно это явление в частной надписи второй половины II в. н. э.

Сложнее обстоит дело с последним словом нашей надписи. Судя по двум предшествующим словам, здесь должен быть *dat. sing.* от *ἱερέως*³⁷. Однако своеобразная форма этого слова — *ἱερέα* — не может быть объяснена из обычной его парадигмы. Вероятны два объяснения ее появления. Представляется вполне возможным, что эта форма образована по первому склонению³⁸, и слово должно читаться *ἱερέα(ι)* с ненаписанной *ἰοτα ἀνεκφώνητον*³⁹. Подобные примеры встречаются на ионийской почве — *ἱερέη* (*sic!*, именно от *ἱερέως*, а не от дорического *ἱερέα* — жрица), *Πολιῆι* (Кос)⁴⁰, *Δωριῆι* (Парос), *Πριτυῆι* (Самос)⁴¹. В пользу такого толкования говорило бы и существование на Боспоре со второй половины II в. н. э. формы *acc. sing.* *ἱερέαν* вместо обычного *ἱερέα*⁴². Однако последний аргумент не может рассматриваться как абсолютный, ибо окончание *-ν* в *acc. sing.* характеризует не только первое, но и многие основы третьего склонения, так что здесь могла проявиться лишь унификация форм *acc. sing.* внутри самого третьего склонения. Препятствует этому толкованию и то обстоятельство, что *nom. sing.* *ἱερέας* (по первому склонению) пока нигде не зафиксирован. Второе и, как представляется, более вероятное объяснение сводится к тому, что для позднего греческого языка характерен процесс постепенной утраты дательного падежа и замены его винительным⁴³, приведший в средне- и новогреческом языке к полному исчезновению дательного падежа. Употребление винительного падежа вместо дательного засвидетельствовано в лапидарных надписях Боспора III и IV вв. н. э.⁴⁴. Развитие этого процесса в разговорной речи еще во II в. н. э. не может вызвать удивления. Появление, как следствие этого, исследуемой формы в частной надписи из Танаиса, самого варварского города Северного Причерноморья, кажется вполне закономерным.

Рассмотренные языковые явления, несмотря на возможность в некоторых случаях их различного толкования, позволяют все же наряду с палеографическими данными датировать исследуемое граффито II в. н. э. скорее второй его половиной. Надпись, сделанная на плечиках того же кувшинчика красной краской, в силу ее фрагментарности не дает никаких оснований ни для ее смыслового прочтения, ни для лингвистического разбора. Судя по трем сохранившимся первым буквам надписи, ее содер-

³⁶ КБН, 729, 731, 734, 1083.

³⁷ Теоретически возможное понимание последнего слова надписи как *gen. sing.* от имени *ἱερέα* и толкование его как отчества некоего Фана кажется нам очень маловероятным. Во-первых, в Танаисе, откуда до нас дошел очень большой ономастический материал и где для некоторых эпох нам известно поименно почти все свободное мужское население города (см. Д. Б. Ш е л о в, Танаис и Нижний Дон в первые века н. э., М., 1972, стр. 276—278; о н ж е, Некоторые вопросы этнической истории Приазовья II—III вв. н. э. по данным танаисской ономастики, ВДИ, 1974, № 1, стр. 80), в лапидарных надписях не встречаются ни лица с именем Гиереас, ни его сын Фан. тогда как последнее имя засвидетельствовано здесь именно в качестве жреческого (КБН, 1260). Во-вторых, странное имя *ἱερέας* до сих пор вообще неизвестно в греческой ономастике. Поэтому представляется более правильным понимать слово *ἱερέα* как обозначение жреческой должности Фана.

³⁸ О переходе некоторых имен на *-εως* в I склонение (типа *Περσῆς* = *Περσεως*) в *χολιῆ* под влиянием аттического диалекта см. T h u m b, ук. соч., стр. 208; о смещении этих склонений вообще см. там же, стр. 249.

³⁹ Такие случаи известны и на Боспоре, см. Д о в а т у р, ук. соч., стр. 805, § 13.

⁴⁰ C. D. В u c k, *The Greek Dialects*, Chicago, 1968, стр. 89.

⁴¹ В e s h t e l, *Die griechischen Dialekte*, III, стр. 149, § 131.

⁴² Д о в а т у р, ук. соч., стр. 812, § 3; КБН, 80. 2; 81.2; 88.2; 104.4.

⁴³ A. T h u m b, *Die griechische Sprache im Zeitalter des Hellenismus*, Strassburg, 1901, стр. 125, 249.

⁴⁴ Д о в а т у р, ук. соч., стр. 826; КБН, 64. 16—17; 1250. 8—11.

жание имело отношение к тому же жрецу Фану, которому было посвящено граффито, но большего о нашем дипинто сказать невозможно.

Имя жреца Фана известно нам из танаисской лапидарной эпиграфики. В 1869 или 1870 гг. на Недвиговском городище была найдена разбитая мраморная плита с надписью фиаса «Бога высочайшего вмемлющего»⁴⁵. Главой этого фиаса назван жрец Фанн, сын Стратоника. Надпись была составлена в 155 г. н. э., затем была повреждена, и жрец Фанн восстановил ее на свои средства, о чем была сделана приписка в конце надписи. Совпадение времени деятельности жреца Фанна, сына Стратоника, упомянутого в этой надписи, и жреца Фана в танаисском граффито позволяет считать, что это одно лицо. Еще один Фанн, сын Стратоника, назван среди рядовых членов фиаса того же «Бога высочайшего вмемлющего» в самой поздней танаисской надписи 244 года⁴⁶. Совершенно несомненно, здесь речь идет о другом лице, но почти также уверенно можно говорить о том, что этот второй Фанн, сын Стратоника, принадлежал к той же семье, что и жрец 155 года и был скорее всего прямым потомком (правнуком?) последнего.

Гораздо более предположительно можно восстановить другую линию родственных связей жреца Фанна. В надписи 155 г. среди имен рядовых фиасотов восстанавливается имя некоего Зенона, сына Фанна. Это имя вместе с несколькими другими было приписано к надписи при восстановлении ее жрецом Фанном⁴⁷. Можно высказать предположение, что упомянутый Зенон был сыном жреца Фанна и вступил (по достижении уставного возраста?) в фиас, возглавляемый его отцом. Допущение это не так уж произвольно, как это может показаться на первый взгляд. Во-первых, участие близких родственников (отцов и сыновей, родных братьев и пр.) в одном фиасе было, по-видимому, обычным в Танаисе и отражено многими надписями⁴⁸. Во-вторых, в пользу этой гипотезы могут свидетельствовать некоторые косвенные соображения. Давно уже была отмечена вероятная родственная связь между Зеноном, сыном Фанна, упомянутым в надписи 155 года, и более поздним лицом с теми же именем и отчеством, фигурирующим в нескольких танаисских надписях 20-х годов III в. н. э.⁴⁹ Этот позднейший Зенон, сын Фанна, приходящийся, возможно, внуком первому⁵⁰, был пресбевтом царя Рискупорида III в Танаисе, начальником области аспургин на Боспоре, одним из эпимелетов при восстановлении танаисской агоры, несомненно знатным и богатым человеком. Он принадлежал к той аристократической и сословно-бюрократической верхушке боспорского общества, которая поставляла кандидатов на замещение всех высших административных должностей в царстве. К этой же танаисской аристократии принадлежал и жрец Фанн, сын Стратоника. Достаточно хорошо известно, что руководящие должности в танаисских религиозных союзах, и прежде всего должности первосвященников, занимали представители все той же городской аристократии⁵¹.

⁴⁵ ОАК за 1870—1871 гг., стр. 231—234, № 2; IOSPE, II, 438; КБН, 1260.

⁴⁶ КБН, 1287; А. И. Болтунова, Танаисская надпись IOSPE, II, 454, ВДИ, 1950, № 3, стр. 103.

⁴⁷ IOSPE, II, 438; КБН, 1260.

⁴⁸ Например, КБН, 1259, 1262, 1264, 1277 и др.

⁴⁹ КБН, 1245, 1246, 1248, 1278.

⁵⁰ IOSPE, II, стр. 283; КБН, стр. 752.

⁵¹ О социальной значимости танаисских фиасов и о роли в них правящих кругов Танаиса существует довольно значительная литература: E. Ziebart, Das griechische Vereinswesen, Lpz., 1896, стр. 209 сл.; К. М. Колобова, К вопросу о судоправлении в древней Греции, ИГАИМК, 61, 1933, стр. 67—75, 85—87; С. А. Жебелев, Боспорские этюды, СПб., стр. 215 сл.; Т. Н. Кипович, Танаис, М.—Л., 1949, стр. 107—109; V. F. Gajdukovič, Das Bosporianische Reich. В., 1971, стр. 457 сл.; Шелов, Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры, стр. 275—278.

Если имя Зенона, сына Фана, в надписи 155 г. восстановлено правильно и если этот Зенон действительно был дедом пресбевта Зенона, то и он должен был принадлежать все к той же небольшой группе руководящих танаисских фамилий и его родственная связь с жрецом Фанном становится весьма вероятной. Последний мог быть в таком случае прадедом пресбевта Зенона. Таким образом, предположительно восстанавливается генеалогическая цепочка одной из знатных танаисских семей II—III вв. н. э.

Естественно было бы ожидать найти сосуд, принадлежащий жрецу Фану, в могиле самого этого жреца. Однако на деле это не так. Погребение, в котором был обнаружен наш кувшинчик, было погребением подростка и, естественно, не могло принадлежать жрецу. Поскольку время граффито на кувшинчике, определяемое на основании эпиграфического анализа, и устанавливаемое археологически время погребения практически совпадают, следует предположить, что сосуд попал в могилу еще при жизни жреца Фана или вскоре после его смерти. Это могло произойти скорее всего в случае, если погребенный подросток был тесно связан со жрецом Фаном, например, был членом его семьи. Следует обратить внимание на то обстоятельство, что кувшинчик положен в могилу уже поврежденным: венчик его был частично обломан еще до помещения сосуда в могилу.

Если погребение с кувшинчиком принадлежало члену семьи жреца Фана, то весь курган № 9 мог быть родовой усыпальницей этой фамилии. Условия археологических раскопок курганов в данном случае оказались таковы, что курган № 9 не мог быть исследован полностью⁵². Насыпь кургана была полностью снесена еще до начала раскопок, поэтому даже границы кургана оказалось определить затруднительно⁵³. Под уничтоженной насыпью было обнаружено семь могильных пятен, но исследованы только пять из них. Помимо известного уже нам погребения 2 были открыты еще два погребения подростков (№ 1 и 3) и две могилы взрослых людей (№ 4 и 5). Все погребения были устроены одинаково: узкая и глубокая могильная яма с земляными ступеньками («заплечиками») по двум длинным сторонам, служившими опорой для горизонтального деревянного перекрытия, деревянный гроб, положение умершего на спине, головой на восток или на восток-северо-восток⁵⁴. Единство погребального обряда и оформления всех могил говорит в пользу предположения, что все погребения кургана принадлежали членам одной семьи.

Погребальный инвентарь рассматриваемых могил весьма небогат. В погребении № 1 найдены всего одна подвеска, сделанная из бронзовой монеты II в. н. э., и обломки двух амфор, поставленных на перекрытие могилы. В другом погребении подростка (№ 3) кроме фрагментов нескольких светлоглиняных амфор обнаружены железный нож, бронзовая пряжка, осколки стеклянного сосуда, кружальная ойнохоя, около сотни альчи́ков. Несколько богаче погребение № 5, в котором находились железные нож и ножницы, краснолаковая миска, бронзовые зеркало, фибула и туалетный флакончик, золотая бляшка, много стеклянных и сердоликовых бус, в засыпи — обломки не менее пяти светлоглиняных амфор. Эти находки датируют все погребения II или самым началом III в. н. э. Следует заметить, что самая большая и самая глубокая могила,

⁵² Казакова, Каменецкий, ук. соч., стр. 81, 82.

⁵³ Это обстоятельство определило нашу ошибку, когда мы отнесли к кургану 9 одно погребение в подбойной могиле (Шелов, Танаис и Нижний Дон в первые века н. э., стр. 67), видимо, ему не принадлежащее.

⁵⁴ Казакова, Каменецкий, ук. соч., стр. 83 сл., рис. 33, 3, 4; Каменецкий, Охранные раскопки..., л. 24—36.

вероятно, основное погребение этого кургана (№ 4), оказалась полностью ограбленной. Возможно, это была самая богатая могила, о чем говорят не только ее размеры, но и самый факт ее ограбления.

Интересен погребальный обряд в кургане № 9. Имена в семье жреца Фапа, известные нам, все чисто греческие — Фапи, Стратоник, Зенон. Тем примечательнее, что хоронят членов этой семьи не в грунтовой некрополе, а под курганной насыпью. Сооружение могил с заплечиками само по себе не может быть этническим признаком, так как такие могилы встречаются как у сарматов Поволжья⁵⁵, так и в боспорских некрополях⁵⁶, но все же, кажется, погребальные конструкции этого рода в танаисском некрополе связаны более с погребальным обрядом негреческой части населения города⁵⁷. Более определенным показателем является использование в могиле № 1 долбленого гроба-колоды; применение таких гробов совершенно чуждо античному погребальному ритуалу, но хорошо известно в Нижнем Поволжье уже в раннесарматское время⁵⁸. Достойны внимания и остатки тризны, прослеживаемые при раскопках могил под курганом на поверхности погребенной почвы и представленные главным образом обломками остродонных амфор и костями животных. Видимо, с тризной связано и захоронение головы и шкуры лошади: в специальной небольшой яме открыты череп и кости ног. Вероятно, конское мясо было съедено участниками тризны, а шкура с головой и копытами была зарыта в качестве приношения умершему. В соседних курганах обнаружено еще несколько таких погребений⁵⁹. Параллель этому обряду можно видеть в захоронении коровьих или бычьих шкур в некрополе Кобяковского поселения на Дону⁶⁰. В то же время положение погребенных головой на восток или северо-восток, употребление досчатых гробов, сбитых железными гвоздями, набор погребального инвентаря, включающего остродонные амфоры, краснолаковую и стеклянную посуду и пр., говорят о сохранении определенных античных традиций в погребальном ритуале. Так, в погребальном сооружении, предположительно принадлежащем семье жреца Фапа, отразилось смешение античных и варварских обрядовых норм, характерное для всех сторон культурной жизни Танаиса первых веков нашей эры.

A JUG INSCRIBED TO THE PRIEST PHANES

D. B. Shelov, F. V. Shelov-Kovedyayev

In one of the graves in the kurgan necropolis at Tanaïs there was found in the autumn of 1968 a little red-glaze jug with a graffito of the 2nd century A. D.: «to the priest Phanes». The inscription exemplifies late Greek linguistic peculiarities in Bosporus. The name Phannes son of Stratoneikos, priest of the Highest, the Heedful God, occurs in a Tanaïs inscription of the second half of the 2nd century A. D. (*KBN* 1260). The correspondence in period between this priest's active life and the graffito published here suggest that Phanes and Phannes are the same person. The kurgan (excavated in 1968) was perhaps a clan sepulchre for one of the noble families of Tanaïs in the first centuries A. D., a family to which the priest Phannes belonged.

⁵⁵ Б. Н. Граков, *ГΥΝΑΙΚΟΚΡΑΤΟΓΜΕΝΟΙ*. Пережитки матриархата у сарматов, ВДИ, 1947, № 3, стр. 104 сл.; К. Ф. Смирнов, Курганы у сел Иловатка и Политотдельское Сталинградской области, МИА, 60, 1959, стр. 318; М. Г. Мошкова, Памятники прохоровской культуры. САИ, Д. 1—10, М., 1963, стр. 20, табл. 2, 2, 11.

⁵⁶ Е. Г. Кастанаян, Грунтовые некрополи боспорских городов и местные их особенности, МИА, 69, 1959, стр. 258.

⁵⁷ Шелов, Танаис и Нижний Дон в первые века н. э., стр. 234.

⁵⁸ П. В. Синицын, Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья, Саратов, 1948, стр. 88, рис. 60; В. П. Шолов, Калиновский курганный могильник, МИА, 60, 1959, стр. 456; Мошкова, ук. соч., стр. 22.

⁵⁹ Казакова, Каменецкий, ук. соч., стр. 83.

⁶⁰ С. И. Капошина, Сарматы на Нижнем Дону, АИКСР, 1969, стр. 167, рис. 3.